

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1.....	3
ГЛАВА 2.....	22
ГЛАВА 3.....	36
ГЛАВА 4.....	45
ГЛАВА 5.....	60
ГЛАВА 6.....	77
ГЛАВА 7.....	93
ГЛАВА 8.....	106
ГЛАВА 9.....	116
ГЛАВА 10.....	135
ГЛАВА 11.....	154
ГЛАВА 12.....	168
ГЛАВА 13.....	177
ГЛАВА 14.....	207
ГЛАВА 15.....	216
ГЛАВА 16.....	236
ГЛАВА 17.....	247
ГЛАВА 18.....	263
ГЛАВА 19.....	285
ГЛАВА 20.....	293

ГЛАВА 21.....	308
ГЛАВА 22.....	322
ГЛАВА 23.....	331
ГЛАВА 24.....	346
ГЛАВА 25.....	358
ЭПИЛОГ.....	376
ОТ АВТОРА.....	381

Глава 1

Суссекс, Англия, 1811 год

Гул у Дафны в голове был громче двенадцати колоколов церкви Святого Павла, хотя и не такой радостный. Пожалуй, не стоило бить кузена Малкольма головой в лицо.

Едва эта мысль возникла на краю сознания, как оглушительный звон и мучительная боль снова прогнали ее прочь. Дафна сделала несколько нетвердых шагов назад и врезалась в один из древних пней, окружавших поляну. Перед глазами у нее замелькали черные точки, и она, отчаянно моргая, схватилась за шершавое дерево, чтобы не упасть, а когда в глазах чуть-чуть прояснилось, приложила руку к ушибленному лбу и поморщилась. На пальцах осталась кровь: ее, или Малкольма, или их обоих. Дафна отвела взгляд от окровавленной руки и взглянула на противоположную сторону маленькой прогалины.

Малкольм лежал там, где упал, среди остатков пикника, который Дафна собиралась устроить, когда он начал ей докучать. Ее кузен заметно сдал с тех пор, как она видела его в последний раз. Каштановые волосы, когда-то густые и блестящие, поредели и потускнели, а тучное тело совсем не вязалось с образом стройного и изящного денди, каким он был, когда какое-то ужасное время держал ее будущее в своих руках.

Между ними была разница в семь лет, и все эти годы были написаны на лице тридцатипятилетнего мужчины: на лице, искаженном от боли и ярости.

Малкольм кое-как сел и бросил на нее полный ненависти взгляд, прежде чем сорвать с шеи платок и промокнуть кровоточащий нос.

Дафне невольно подумалось, что разбитый в кровь лоб не такая уж большая цена за очевидные страдания Малкольма. Она прищурилась, чтобы получше разглядеть его лицо с опухшими покрасневшими глазами, но перед ней все расплывалось. Дафна потрогала переносицу и еле подавила стон. Проклятье! Наверное, во время потасовки он сбил с нее очки.

Она присела, стараясь не упускать Малкольма из виду, и принялась шарить в траве в поисках очков. Очки были особенные, с бифокальными линзами, словно составленными из двух частей, специально для ее плохого зрения: последний подарок ее покойного мужа. Потерять их значило потерять то, что осталось от Томаса. Это было бы...

— Ну-ну, и что это тут творится? — раздался низкий голос.

Дафна взвизгнула, как перепуганная курица, и, споткнувшись, упала на четвереньки, озираясь в поисках обладателя голоса. Между двумя раскидистыми вязами возникла смутная тень, которая стремительно становилась больше, превращаясь в фигуру всадника, настоящего великана на огромном скакуне.

С каждым его шагом получалось все лучше рассмотреть его необычное лицо. Он остановился между Дафной и Малкольмом. Громадная лошадь-тяжеловоз была не меньше семнадцати с половиной ладоней в холке, а возвышавшийся на этом чудовище человек был ему под стать и по габаритам, и по красоте.

Непривычно было видеть на фоне бледно-серого английского неба бронзовую от загара кожу и золотистые волосы, но приметнее всего была черная повязка на левом глазу и страшный шрам, который виднелся из-под нее. Не хватало только потрепанной треуголки и кортика в зубах, чтобы довершить образ красавца пирата из девичьих грез. Он что, заблудился по дороге на бал-маскарад?

Дафна мысленно отмахнулась от нелепого предположения, и ее мысли, обычно вышколенные, точно веллингтоновские солдаты, испуганно пустились в бегство, когда незнакомец окинул ее взглядом единственного зеленого глаза и улыбнулся, ничуть не смущенный тем, что его так бесцеремонно рассматривают.

— У вас все в порядке, леди Дейвенпорт? — Несмотря на экзотическую внешность, у него было произношение настоящего английского джентльмена.

— Да, только... — начала она, но вдруг заметила, что его взгляд прикован к ее груди.

Она опустила глаза и ахнула. Ее верхнее платье порвалось от шеи до талии, открывая чудовищно много нижней сорочки и обнаженного тела. Дафна попыталась соединить края порванной одежды и заставила себя поднять взгляд, но незнакомец уже повернулся к Малкольму, и о ней словно позабыл. Он ловко спрыгнул со своей исполинской лошади и, сделав шаг к кузену Дафны, поднес к глазу лорнет в узорчатой золотой оправе. Его светлые брови поползли вверх при виде расхристанного окровавленного человека на разостланном для пикника одеяле.

Лишь отдаленное чириканье птиц нарушало напряженную тишину, которая длилась, и длилась, и...

— Рамзи? — Малкольму мешал говорить испятнанный кровью шейный платок, которым он все еще

прикрывал нос и губы, и он поспешно убрал его от лица, глядя на новоприбывшего с раскрытым ртом.

Дафна перевела взгляд со своего кузена на незнакомца и прищурилась, как будто это помогло бы ей не только лучше видеть, но и лучше слышать.

Рамзи? Она знала только одного Рамзи — Хью Редверса, покойного племянника и наследника Томаса. Он носил титул барона Рамзи. Она покачала головой: что за странная мысль! Наверное, ее безмозглый кузен ошибся. Хью Редверс мертв, и уже давно.

Великан ничего не ответил Малкольму, глядя на него со все возрастающей неприязнью на красивом лице.

Под этим пристальным взглядом Малкольм подтянул измятый шейный платок повыше, так что над окровавленной тканью теперь были видны лишь его глаза.

От Дафны не укрылась враждебность в его взгляде. Ведь ей не раз доставалось из-за его буйного нрава, когда она имела несчастье жить с ним под одной крышей. Дафна посмотрела на незнакомца, чтобы увидеть его реакцию, и наткнулась на увеличенный лорнетом огромный зеленый глаз.

Она сглотнула, внезапно поняв, почему струсил Малкольм. Теперь она узнала, как себя чувствует насекомое, которое рассматривают под лупой. Но она не насекомое.

Она расправила плечи и окинула Рамзи отважным, хотя и подслеповатым взглядом.

Его губы изогнулись, барон опустил свой мерзкий лорнет, сделал шаг вперед и протянул ей ладонь величиной с обеденную тарелку.

Дафна молча приняла ее, и Рамзи помог ей подняться на ноги, но не отпустил. Вместо этого он наклонился к ее плененной руке и коснулся обнажен-

ной кожи теплыми мягкими губами, что казалось невероятным: ведь все остальное в нем выглядело очень... твердым.

— Прошу прощения, что не представился сразу, леди Дейвенпорт. Сэр Малкольм прав: я Хью Редверс, барон Рамзи. — На лице у него заиграла усмешка. — Ваш давно пропавший племянник.

Дафна покачала головой, и у нее вырвалось:

— Этого не может быть.

Зеленый глаз насмешливо сверкнул.

— Ну, граф был старшим братом моего отца, а его первая жена — моя тетя Элоиза — умерла, после чего граф женился на вас. Таким образом, я прихожусь вам...

Он над ней явно издевался. Дафна выпрямилась во весь рост и бросила на него ледяной взгляд:

— Я прекрасно разбираюсь в генеалогии, сэр. А что касается вас, вы не можете быть живы.

Кажется, ее дурацкое высказывание его только развеселило.

Дафна постаралась не обращать внимания на стыд, охвативший ее от собственных глупых слов.

— Прошло почти двадцать лет с тех пор, как погиб Хью Редверс. Мой муж, граф Дейвенпорт, узнал о его кончине от одного из своих людей.

Великан развел руками, словно говоря: «И все-таки вот он я».

Дафна изучала его внимательно, словно часовой — редкий хронометр, но он и глазом не моргнул и вообще не проявил никаких признаков волнения, которые непременно продемонстрировал бы тот, кто пытается выдать себя за другого.

Больше того, он шагнул к ней, так что стало заметно, что он старше, чем показался ей вначале: ближе к сорока, чем к тридцати, — но это ничуть

не умаляло его обаяния. От уголка зеленого глаза разбегались глубокие морщинки, а волосы цвета золотой гиней были на висках подернуты сединой. Сейчас он улыбался, но решительный подбородок выдавал человека, привыкшего добиваться своего, а глубокие складки у губ наводили на мысль, что это ему нравилось.

Белый шрам, почти рассекший его лицо на две половины, начинался у левого виска, исчезал под черной повязкой на глазу и, вновь появившись из-под нее, проходил через переносицу к подбородку.

Дафна мысленно сравнила этого испещренного шрамами, но все еще привлекательного мужчину с собственными впечатлениями в десятилетнем возрасте — с воспоминаниями влюбленной девочки, которая боготворила своего удалого красавца соседа и глубоко скорбела, узнав о его гибели.

Даже прошедшие с их последней встречи двадцать лет, уродливые шрамы и черная повязка на глазу были не в силах скрыть правду: это, без сомнения, Хью Редверс, истинный наследник ее мужа, который уже почти двадцать лет считался погибшим и которого Дафна лишила титула, земель и богатств, полагавшихся ему по праву. Она уже открыла рот, чтобы хоть что-то сказать, но не успела.

— Миледи?

Дафна резко обернулась и обнаружила в начале узкой тропы Касвелла, своего груга, который переводил взгляд с нее на рослого незнакомца, а с него — на местного сквайра, чья кровь все еще капала на одеяло для пикника.

Прежде чем она успела что-то ответить, за спиной груга послышался голос ее старшего сына:

— Я не вру, Ричи: рыбина была громадная — намного больше твоей, — обиженно твердил Люсь-

ен, — и если бы я не поскользнулся и не выронил удочку, никуда бы не ушла.

— Ерунда! — буркнул тот.

Люсьену пришлось свернуть с тропы, чтобы протиснуться мимо грома, застывшего как вкопанный.

— Эй, Касвелл, что тут... — Внезапно и он, замолчав, остановился и разинул от изумления рот.

Ричард обошел Касвелла с другой стороны, и оба мальчика уставились на троих взрослых, растерянно наморщив одинаковые лбы. Все они были здоровыми, кровожадными и молодыми, но в первую очередь им бросился в глаза мужчина с окровавленным шейным платком. Затем мальчики посмотрели на одноглазого исполина, стоявшего рядом с их матерью, но это зрелище, каким бы занимательным ни было, не шло ни в какое сравнение с потрясающим конем, который щипал траву неподалеку.

Все прочие мысли тут же вылетели у них из головы, и мальчики подошли к громадному коню, словно их тянула к нему невидимая нить. Рамзи не скрывал веселья, наблюдая за ними, потом сказал что-то на незнакомом языке — кажется, это был арабский, — и животное сделало шаг вперед, выставило переднюю ногу и низко склонило голову перед близнецами, прежде чем снова выпрямиться и окинуть их надменным взглядом.

— Он великолепен, сэр! — воскликнул Люсьен, обращаясь к этому большому человеку.

Дафна на мгновение прикрыла глаза. Неужели все это происходит на самом деле?

— Можно его погладить, сэр? — спросил Люсьен, отрывая ее от невеселых мыслей.

— Конечно, — сказал Редверс. — Только не подходи сзади, а то лягнет, и улетишь куда-нибудь в Ньюкасл.

Мальчишки рассмеялись, словно никакой угрозы их жизни и здоровью не существовало.

— Его зовут Паша́.

Малкольм кашлянул, и все головы сразу же повернулись в его сторону. Он выпятил грудь, точно голубь, и стал похож на пухлого школьника-переростка, которого как следует выдрали, и теперь ему отчаянно хочется сбросить остатки достоинства.

— Какого дьявола тут творится?

— Следи за языком, Гастингс! — Единственный глаз Рамзи прищурился, превратившись в щелку. — Мне и самому интересно это узнать.

Он говорил тихо, но от того, как окинул Малкольма взглядом, повеяло холодком.

Тот поднял окровавленный шейный платок и пожал плечами.

— А, это? Ерунда. У меня лошадь довольно норовистая, и что-то ее напугало.

Приподняв брови, Рамзи взглянул на благодушную клячу, которая паслась в паре футов от них, а затем опять на Малкольма.

— Конечно, я удержался в седле, но удар был ощутимый. — Малкольм покосился на одеяла и, прежде чем опять повернуться к Рамзи, издевательски взглянул на Дафну и добавил: — Прости, что испортил тебе пикник, кузина.

Двое мужчин долго и многозначительно сверлили друг друга глазами. Малкольм что-то неразборчиво пробормотал, подвел лошадь к ближайшему пню и взгромоздился в седло, дергая ногами в поисках стремян.

Укрепившись в седле (но не в своей гордости), он окинул окружавшую его небольшую компанию злобытым взглядом, который дольше других задержался на Дафне. Понять, на что он намекает, было нетрудно:

прощать ей то, что она сотворила сегодня, он не собирался. Дав лошади шенкелей, он умчался прочь, и на небольшой поляне повисла тишина, которую нарушал лишь удалявшийся топот копыт.

— Он держится в седле просто ужасно, — заметил Люсьен.

От холодного вердикта, который мальчик вынес Малкольму, у одноглазого незнакомца вырвался смешок.

Нет, никакой он не незнакомец: он барон Дейвенпорт!

Дафну пробрала дрожь, и холод здесь был ни при чем. На мгновение ее парализовало осознание серьезности и всепоглощающей невозможности происходящего. Она сделала глубокий вдох и задержала дыхание, пока оно не сделалось больно легким, зато сознание прояснилось. Она не перепуганная школьница, а ученая дама, которая во всем руководствуется исключительно доводами разума. Не в ее духе впадать в истерику перед лицом неоспоримых фактов — по крайней мере, так было раньше. Дафна глубоко вздохнула и выдохнула, избавляясь от слепого ужаса вместе с воздухом, потом еще раз и еще... до тех пор пока сердце не перестало бешено колотиться, и посмотрела на вполне реального мужчину перед собой.

Его возвращение из мертвых было... У Дафны не нашлось слов, чтобы описать столь неожиданный поворот, но сейчас ничего говорить и не требовалось: все позже, когда Хью Редверс обратится непосредственно к ней.

— Я голодный как волк! Можно нам поесть? — совершенно буднично обратился к ней Люсьен, отчего происходящее показалось еще менее реальным. Это напоминало какой-то фарс — трехактную сатириче-

скую пьесу про английский этикет, первый акт которой случился за сценой больше десяти лет назад.

К горлу подкатило несвойственное ей истерическое веселье, и Дафне не сразу удалось с ним справиться. Она сказала себе, что у нее есть право на небольшую истерику: сначала Малкольм со своими угрозами, а теперь... это, что бы оно ни было.

И все же Дафна понимала, что, упав ниц и разрыдавшись, она никому ничем не поможет, а меньше всего — сыновьям. Она перевела взгляд с любопытных рожц детей на заинтересованное лицо Рамзи. Говорить о пище насущной в такой момент, когда человек только что восстал из мертвых, когда...

— Что случилось с корзиной, мама? — Взгляд золотисто-карих глаз Люсьена, так похожих на глаза его отца, обратился к смятому одеялу и разбросанной по нему провизии.

Рамзи был явно удивлен не меньше мальчика, но, как подозревала Дафна, по совсем иным причинам.

Она заставила себя улыбнуться:

— Перекусить перед обедом — прекрасная идея, малыш.

Почему бы им и правда не поесть? В самом деле, что еще ей остается делать? Рассказать Рамзи всю правду на глазах сыновей и слуги? Да уж, для начала лучше подкрепиться, а с признаниями и объяснениями можно повременить — и подольше.

Что же до Рамзи...

— Пожалуйста, присоединяйтесь к нам, лорд Дейвенпорт.

Тот чуть склонил голову, охотно принимая участие в фарсе.

— С превеликим удовольствием. — Он указал на растоптанную еду и посуду. — Могу я быть вам чем-то полезен?

Прежде чем Дафна успела ответить, Люсьен вскрикнул от удивления и восторга, тыча пальцем в обтянутую перчаткой левую руку Рамзи, на которой не хватало среднего пальца.

— А где ваш палец? — Мальчику пришлось так сильно запрокинуть голову, чтобы взглянуть на великана, что он чудом не завалился на спину. — И где глаз? Вы что, все это потеряли?

У Дафны жар прилил к лицу.

— Люсьен!

Мальчик обернулся и совершенно невинно спросил, глядя на нее широко распахнутыми глазами:

— Да, мама?

— Еще один подобный вопрос, и домой в Лессингхолл поедешь в этой пустой корзине.

Люсьен с беспокойством взглянул на корзину для пикника и тут же с облегчением расслабил плечи, понав, что угроза матери просто угроза.

— Прошу прощения, сэр: я допустил бестактность. Рамзи улыбнулся.

— Нестрашно. Если интересно, позже с удовольствием расскажу о своих злоключениях. Пока же давай дадим твоей маме немного времени, а сами посмотрим на другие трюки, которым обучен Паша́.

Он повернулся к Дафне спиной, давая возможность привести все в порядок, и она едва не разрыдалась от благодарности.

Она посмотрела на конюха, который внимательно изучал открывшуюся ему сцену: наверняка собирался за обедом рассказать обо всем в красках остальным слугам, — и попросила:

— Посмотри, можно ли еще что-то спасти.

— Да, миледи.

Дафна нашла свою раздавленную шляпу под большим глиняным кувшином с чаем и при помощи

шляпной булавки застегнула верхнее платье. Очки валялись недалеко от шляпы: линзы были целы, но тоненькая дужка вывернулась набок. Она осторожно разогнула пластичное золото и водрузила очки на нос, хоть и не совсем симметрично, и занялась волосами, которые растрепались во время схватки, и теперь торчали во все стороны. За неимением расчески пришлось приводить в порядок пшеничные пряди пальцами, а потом, свернув в узел, она закрепила их несколькими оставшимися шпильками. Больше сделать было ничего нельзя, и она подошла помочь Касвеллу.

Повариха положила в корзину столько хлеба, фруктов, жареной курицы, яиц по-шотландски, вяленого окорока, печенья, сладких пирожков и пирожных с кремом, что хватило бы на дюжину изголодавшихся мужчин, и лишь небольшая часть из этого пришла в негодное состояние во время драки.

Дафна взяла тарелку, наполнила едой и передала груму, который застыл в нерешительности.

— Не глупи, Касвелл, здесь на всех хватит.

Тот залился краской, но принял тарелку, почти-точно поклонившись:

— Благодарю вас, миледи.

Дафна знала, что ее эгалитарное поведение — которое ей привила мать, наследница угольного магната, — до сих пор шокировало слуг в Лессинг-холле даже спустя десять лет знакомства. Но, в самом деле, почему кто-то должен голодать, когда столько еды пропадает зря?

Дафна приготовила еще четыре тарелки с едой, и вскоре все уже сидели на одеяле и наслаждались трапезой, кроме нее самой. Вместо того чтобы есть, она крошила превосходный хлеб, испеченный пова-

рихой, в то время как ее сыновья донимали Хью Редверса вопросами о его коне.

У самой Дафны тоже было немало вопросов, и они вторгались в ее мысли, словно голодные ласки в курятник, и самым важным был, как много он успел услышать, прежде чем прервал ее недостойную возню с Малкольмом.

Слышал ли он угрозы Малкольма? Шантаж? Обвинения насчет близнецов?

Дафну годами преследовал страх, что рано или поздно кто-то узнает правду и опозорит ее, выставив посмешищем в глазах высшего света, но ей ни разу не приходило в голову, что придется лицом к лицу столкнуться с тем, кому ее вранье навредило больше всего.

Когда Хью Редверс пропал, она была еще ребенком, но, как и любая другая представительница ее пола от восьми до восьмидесяти, была околдована свободолюбивым красавцем — наследником графа Дейвенпорта. Молодой лорд не только выглядел словно античное божество, у него еще и всегда находилось доброе слово и теплая улыбка даже для долговязой стеснительной очкастой соседской девочки младше его на десять лет.

Хью рассмеялся над чем-то сказанным одним из мальчишек, и это вывело Дафну из транса, заставив осознать, что она тянется к нему, словно мотылек к пламени.

Она покачала головой: такой странной показалась эта мысль — и продолжила изучать из-под полуопущенных ресниц Редверса. Приходилось признать, что время (за которое с ним случилось немало невзгод, судя по его увечьям) сделало его еще привлекательнее. Дафна не без труда оторвала взгляд от его лица и продолжила осмотр.